

хранились и черты декадентского мировосприятия, слышался вызов имморалиста, возглашавшего «будем Солнцем, будем Тьмою», утверждавшего произвол эгоистической личности:

Вышшим знаком я отмечен и, не помня никого,
Буду слушаться повсюду только сердца своего

Но согрею ль я другого, или я его убью, —
Неизменной сохранию я душу вольную мою.
«Воля» (из сб. «Будем как Солнце!»)

Противоположную нравственную идею несет символика «солнечного» начала у Иванова. Для него «слушаться повсюду только сердца своего», «быть как солнце» — это значит стремиться именно «согреть» другого, сжигая себя. Подобный этический аспект «солнечной» темы возникал еще у Белого в его первой книге, в которой полет «за солнцем» знаменовал не только устремления духа к мистическому идеалу, но и нравственное очищение:

В сердце бедном много зла
сожжено и перемолото.
Наши души — зеркала,
отражающие золото.

«Сердце» (из сб. «Золото в лазури»)

Прославляя лирического героя, чье «солнцем сердце зажжено», Белый предвосхитил идею ивановского цикла. У обоих поэтов, как и у Бальмонта, образ «солнцеподобного» сердца вобрал, в числе других импульсов, и впечатления от символики «Заратустры». В одной из своих статей Иванов сочувственно цитировал слова Ницше о том, что «для просветления лица земного... наше сердце должно измениться»²⁴. Но суть этого изменения понималась Ивановым и Белым по-своему, в духе самоотречения и альтруизма, т. е. вразрез с ницшеанством, а автором «Горящих зданий» — в созвучии с ним. На это указывал и сам Иванов. Высоко оценивая дар Бальмонта и его гимны «солнечному» призванию человечества, «сделавшие бодрыми наши первые шаги за порогом нового столетия», Иванов писал, что Бальмонт — из тех «индивидуалистов-лириков», которые «обречены говорить только о себе», которые «приходят... в мир, чтоб „видеть солнце“, и не имеют нужды заботиться о том, таким ли видят то же солнце другие, пришедшие в мир, чтобы под солнцем жить»²⁵. Образы «солнечной силы» Бальмонт возводил к верованиям древних майя; он подчеркивал антихристианский смысл эмблемы Солнца, воплощения стихии языческой²⁶. Ивановская символика сердца-солнца вобрала не только иносказания христианской идеи принятого за мир страдания и образы языческих культов (отнюдь не полярные друг другу в свете воззрений Иванова-мифолога, автора «Эллинской религии страдающего бога»). В полифонии его цикла слышались отзвуки гражданственной идеи, требование служения личности обществу. Но если в русском революционном романтизме конца века эта идея приобрела социально-освободительный смысл в поэме о народном герое, «который сжег для людей свое сердце», чтобы вывести их к свету (Горький, «Легенда о Данко»), то у мистически настроенного романтика проповедь жертвенного служения становилась проповедью религиозной²⁷.

²⁴ Вячеслав Иванов. Ницше и Дионис. — «Весы», 1904, кн. 5, с. 23.

²⁵ Вячеслав Иванов. О лиризме Бальмонта. — «Аполлон», 1912, № 3—4, с. 42, 37.

²⁶ Бальмонт К. Солнечная сила. Предисловие к кн. «Будем как Солнце». М., Изд. В. Пашуканиса, 1918.

²⁷ В ивановских гимнах солнцу Брюсову слышался не только «дифирамбический восторг перед мощью Природы и Жизненного начала в человеке», но и «мистическое умиление перед таинственным значением Жертвы, приносимой ли богом ради мира или единым из живущих в мире ради бога» (Валерий Брюсов. Cor ardens. — «Русская мысль», 1911, № 7, с. 21).